

Черное, серое и голубое

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

На мой взгляд, «Отелло» Деклана Доннеллана — это много шума из ничего. Не «Много шума...», которое он привозил на Чеховский фестиваль 1998 года, когда Москва, собственно, и познакомилась с Доннелланом, а просто — неутоленные надежды, несбывшиеся ожидания, пустые хлопоты. Нечто подобное уже маячило на уровне подозрений в связи с «Двенадцатой ночью» — прошлогодним совместным российско-британским проектом. Если бы на афише не значилось тогда имя Доннеллана, вряд ли «Ночь» могла претендовать на ажиотажный зрительский интерес. Обычный, средний, проходной спектакль.

Необычным и непроходным был, пожалуй, только «Борис Годунов», опять-таки совместного производства. Однако что подкупило в том «Годунове»? Во-первых, мощные работы Александра Феклистова, Евгения Миронова, Авангарда Леонтьева, Михаила Жигалова... Во-вторых, очаровательно легкое, приятельски-фамильярное обращение с автором: ну как, брат Пушкин? — Да так как-то все...

Хороших актеров в «Отелло» немного. По гамбургскому счету, я могу назвать только одного: это Джонни Филипс — Яго. Гибрид высохшего монаха-иезуита с профессиональным туристом, то есть воином, привыкшим к длинным переходам. Яго умен и терпелив. Он дробит фразу на слова и над каждым ставит ударение — чтобы вернее донести. Его тихая интеллектуальная интрига завораживает, как красивая формула. И, словно математик, он вправе не принимать в расчет этические категории. Зритель почти уже склонен оправдать главного заказчика, впоследствии ставшего киллером. Слишком выгодно он смот-

рится на фоне ничтожеств — Отелло, Кассио да еще Родерико. Последний вообще из близких родственников сэра Эгьючика. Кучерявый дуралей в желтых башмаках.

У Доннеллана знаменитого мавра играет темнокожий актер. Не припомню, когда такое случилось в последний раз. Прямо-таки оригинальный постановочный ход. 25-летний Нонсо Анози, напоминающий молодого Поля Робсона, не просто черен. Он массивен, как многоуважаемый шкаф, нескладен и неуклюж, и ноги у него поставлены природой в позицию «сход — развал», и бегают он, смешно отключив филейную часть... В общем, вряд ли этот человек-гора вообще служил в армии, а не то что произведен за доблесть в генералы. И гражданский костюм, и генеральский мундир сидят на нем из рук вон плохо. Мавр действительно на большого любителя (на большую любительницу). Простодушие у него из ушей лезет, но это та самая простота, которая хуже воровства. Отелло не ревнив и не доверчив, он туп, а тупость — главный порок порядочного человека. Из-за таких вот мавров возникают расистские предрассудки, из-за таких мужей растут ряды феминисток. Мало того, что он задушил Дездемону, он ведь еще влил ей пощечину, а это для женщины куда страшнее...

«Отелло» Деклана Доннеллана — спектакль, который можно покинуть в антракте, ничего не потеряв. Многие, кстати, так и сделали. Единственное, ради чего был смысл задержаться, — любопытство: как мавр чисто технически будет душить жену? Надо признать, сцена принудительной асфиксии себя оправдала. Зрелище не для слабонервных. Мавр подошел к двуспальной ложу, аккуратно поднял недоумевающую девочку в коротенькой рубашонке и задушил ее на весу, обезьяна такая. А она долго, с отвратительным натурализмом дрыгалась и таранилась в его руках. Но, поскольку первая по-

пытка, как известно, была не вполне успешна, убийец столь же аккуратно добавил жертву подушкой. «Ку-клус-клана» на него не нашлось. Или хотя бы мистера Твистера.

«Отелло» — спектакль, практически лишенный света. Темный, как небо в безлунную ночь. Возникли проблемы у театральных фотографов — трудно уловить в объектив черного мавра на фоне черного задника. Темны (или во всяком случае туманны) и психологические мотивировки персонажей. Помимо черного цвета, Доннеллан основательно поработал голубым. Колористические ухищрения не пропали втуне: зал Малого театра, безо всякой логики сохранивший над сценой герб СССР, на несколько вечеров превратился в гей-клуб. Все, что прежде возникало на уровне двусмысленной шутки и было личным делом самого Доннеллана, в «Отелло» обернулось грубоватым манифестом. Насколько я понимаю, Яго здесь латентный гомосексуалист. Он мечтает о Кассио, и Доннеллан не стесняется продемонстрировать публике ожившие гей-фантазии — фрикции, производимые лейтенантом якобы в теле Яго. Кроме того, злосчастный интриган, кажется, не равнодушен и к Отелло. Любовь зла... Но поскольку реализовать эту тягу ни генерал, ни лейтенант не позволяют (Отелло зациклен на своей маленькой пухленькой Дездемоне, а Кассио предпочитает, чтобы Бьянка шлепала его по задку), влечение перерождается в ненависть. «Кого люблю, того убью» — видимо, провозглашает Яго.

С любовью в «Отелло» вообще большие проблемы. Что касается мавра, с ним все понятно: дикарь дикарем, позавчера с дерева слез, вчера женился. Когда они на пару с Яго, преклонив колени в общей молитве, подписывают смертный приговор Кассио и Дездемоне, ясно, что один — сознательный преступник и готов гореть в аду, а второй — всего

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

**Театр
Cheek by Jowl
показал
в Москве
«Отелло»**

лишь язычник, по фанатизму душевному не ведающий, что творит. Однако нездоровое веселье Дездемоны, которая вместе с Эмилией давится истерическим смехом, наводит на мысль, что действительно могла, могла супруга мавра побывать в постели Кассио. Или не Кассио, а кого-то другого, нам не известного.

Как всегда у Доннеллана, персонажи одеты в современные офисные костюмы. В кулуарах республиканской власти одинаковые серые люди обсуждают бегство Дездемоны. Девушки из службы охраны деловито шуршат бумажками. Венецианский

дож, бесстрашный, вежливо-недоуменный, смахивает на президента Путина. «А что с вашей дочерью? Погибла?»

Погибла, погибла... Утонула! Хотя Дездемону, конечно, не Офелия.

Бывают спектакли, откровенно выдающие идиотизм первоисточника. «Отелло» Деклана Доннеллана из их числа. Для пьесы, где убийства сопровождаются долгими разглагольствованиями, а жертвы умирают в три приема, не прерывая беседу, наличие вокруг мужчин в бабочках — последний убийственный удар. Последний жим на шею.